

мель, що робить неможливим вивчати та аналізувати загальні тенденції у виробництві на зрошуваних землях.

Невирішене з початку реформування КСП питання з власністю внутрішньогосподарських меліоративних систем призвело до розкрадання та розукомплектації їх устаткування, відсутності мінімально необхідних ремонтно – відновлювальних робіт та оновлення меліоративного парку. Після прийняття Постанови Кабінету Міністрів України від 13 серпня 2003 р. № 1253 “Про затвердження Порядку безоплатної передачі у комунальну власність об’єктів соціальної сфери, житлового фонду, у тому числі незавершеного будівництва, а також внутрішньогосподарських меліоративних систем колективних сільськогосподарських підприємств, що не підлягали паюванню в процесі реорганізації цих підприємств та передані на баланс підприємств – правонаступників”, агровиробники повинні власними силами повертати більшість меліоративних споруд до стану придатності та утримувати їх в належному стані, що для багатьох з них без залучення сторонніх інвестицій неможливо.

Оскільки коштів на придбання нової меліоративної техніки немає, аграрні підприємства ремонтують ті машини, що в них залишилися. З них майже 80% вже відпрацювали свій нормативний строк. Причому, такі типи дощувальних машин як “Дніпро”, “Кубань”, “Волжанка”, якими зараз поливається близько 20% зрошувальних земель, підтримувати у робочому стані стає практично неможливим внаслідок відсутності в Україні виробництва комплектуючих вузлів та деталей для цих типів машин. Хоча в Україні є заводи, які здатні виробляти та ремонтувати поливну техніку [10]. Актуальною також стала проблема наявності в новостворених господарствах кваліфікованих спеціалістів для управління та обслуговування меліоративної системи.

Отже, виходячи з вищесказаного можна констатувати, що зрошувальний меліоративний комплекс на Україні знаходиться в кризовому становищі. В стратегії виходу з означеної кризи лежить всеохоплююча реконструкція і вдосконалення існуючих меліоративних систем. При цьому необхідно здійснювати заходи загальнодержавного значення, зокрема:

- налагодження ретельного державного контролю за використанням меліорованих земель, проведення інвентаризації меліорованих земель та виведення з інтенсивного використання площ, які мають незадовільний меліоративний стан внаслідок підняття рівня ґрунтових вод і засолення;

- вирішення питання про фінансування та дотації або забезпечення пільгового кредитування відновлюваних робіт для доведення діючих меліоративних споруд до робочого стану. Налагодження постачання нової зрошувальної техніки товаровиробникам на основі лізингу;

- збереження цілісності керованого гідротехнічного комплексу, який забезпечує водою споживачів з різною формою власності, що потребує відпрацювання нових взаємовідносин при його управлінні, створення правових і законодавчих нормативних документів;

- відновлення статистичної звітності; поновлення наукових досліджень, в т.ч. економічного плану, оскільки сучасний стан умов господарювання робить розрахунки, які проводилися раніше, практично непридатними для умов сьогодення;

- організація державних замовлень на екологічно чисту продукцію з меліорованих земель та ін.

Джерела та література

1. Доповідь Першого віце-президента УААН, академіка Ситника В.П. // Агроінком. – 2003. - № 5-8. - с.3-10.
2. Благодатний В.І. Науково-методичні засади прогнозування еколого-економічної ситуації у зоні зрошення // Економіка АПК. – 2003. - №2. - с.71-74.
3. Коваленко П.І., Собко О.О. Розвиток та проблеми зрошуваних меліорацій в Україні // Вісник аграрної науки. - 2001. - №2. - с.46-51.
4. Паламарчук М.М. Еколого-економічні проблеми використання водних ресурсів у сільському господарстві // Економіка АПК. – 2000. - №10. – с. 21-25.
5. Бахтін Ю., Трегубчук В. Досвід зарубіжних країн у державній підтримці розвитку водного господарства // Водне господарство України. – 1997. – №2. – с.27-31.
6. Ушкаренко В.О. Зрошуване землеробство. - К.: Урожай, 1994. - 326 с.
7. Устойчивость земледелия – проблемы и пути решения / В.Ф. Сайко, А.М. Малиенко, Г.А. Мазур и др.; Под ред. В.Ф. Сайко. – 2-е изд., перераб. и дополн. –К.: Урожай, 1993. – 320с.
8. Староселець І. Жива вода Таврії // Президентський вісник. – 2004. - №14.
9. Писаренко В. Зрошення: здобутки, стан, проблеми // Пропозиція. – 2002. - №7. - с. 44-45.
10. Семена Н. Ахиллесова пята АПК – Украине придётся практически заново воссоздать поливное земледелие // Зеркало недели. – 2002. - №23 (398).

Баличиева Д.В.

ПРИРОДООХРАНЫЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Природа выступает для человека не только средством к жизнедеятельности, но в известной мере и самоценностью, составляя неотъемлемую часть его жизненного мира. Поэтому чистая рациональность не может быть определяющим и исключительным фактором, обеспечивающим гуманное, бережное отношение людей к природной среде " [1]. «Рациональное природопользование» невозможно без воспитания у подрастающего поколения любви к родному краю, уважения к традиционной народной культуре.

Народная культура – явление многогранное и сложное.

С второй половины XVIII века, после того как латинское слово *culture* было введено в широкий научный оборот, оно неоднократно меняло свою трактовку, постоянно расширяя значение. Сегодня, в русле современной тенденции взаимообогащения и интеграции естественнонаучного и гуманитарного знания, академик В.С. Степин в энциклопедической статье определяет культуру как "*систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения),*

обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях" [2, с. 61]. Иными словами, культура суть важнейшее условие и одновременно результат выживания ("преодоления тенденций к катастрофической дезорганизации" [3, с. 13]), а, следовательно, и адаптации общества и отдельных индивидов к осваиваемой ими рискогенной реальности. Ядро культуры составляют наиболее общие идеи ("универсалии культуры" [2, с. 65]). Это означает, что в народной культуре находит свое отражение исторически сложившаяся система миропонимания. Ее прагматическим аспектом являются "культурные образцы" (социокультурные паттерны, "способы жизни"), используемые людьми в качестве реальных механизмов, помогающих им решать конкретные задачи социального существования.

В качестве особой составляющей народной культуры можно рассматривать так называемую «экологическую культуру», определяющую характер и рамки взаимодействия народа с природной окружающей средой, формирующей «природоохранные» мировоззренческие установки людей. Экологическую культуру можно интерпретировать как особого рода мировоззренческий «образ мира», в котором отражено гармоническое единство человека и природы, обеспечивающее рациональное освоение человеком природной и социальной действительности и утверждение в этом процессе своей собственной индивидуальности и самобытности [4, с. 232].

Складывавшийся на протяжении многих столетий, приспособленный к конкретным условиям среды традиционный экологический опыт народа в форме совокупных эмпирических знаний об окружающей природе и разнообразия приемов природопользования представляет собой огромный пласт человеческой культуры. Каждый народ (этнос) обладает своими механизмами обеспечения экологической устойчивости, своими способами гармонизации отношений с окружающей природной и иноэтнической средой, своеобразными традиционными методами предотвращения или смягчения стрессовых ситуаций.

Ценность традиционного экологического опыта для современного природопользования заключается прежде всего в его природообусловленности: доскональное знание среды обитания – её ландшафтов, погодноклиматических условий и закономерностей смены сезонов, богатств растительного и животного мира, состояния почв и водных источников, подстерегающих человека опасностей и др. – являлось непреложным условием выживания народа.

Целью данной статьи является обобщение крымскотатарских народных традиций водопользования и охраны водных источников от истощения.

Выявленный природоохранный потенциал народного опыта может быть использован в практике экологического воспитания учащейся молодежи, а также для экологического просвещения населения.

В народной культуре крымских татар давнюю традицию имеет рациональное использование водных ресурсов и бережное отношение к водным источникам.

Исторически сложилось так, что воды в Крыму всегда не хватало. Окруженный со всех сторон водой Крымский полуостров постоянно испытывал жажду. И коренные жители Крыма, зная цену воде, старались бережно и экономно расходовать каждую каплю.

Максимилиан Волошин, хорошо знавший историю древней Тавриды и традиции ее народа, свидетельствует: *«Основа всякого южного хозяйства – вода. Татары и турки были великими мастерами орошения. Они умели ловить самую малую струйку почвенной воды, направить ее по глиняным трубам в обширные водоемы, умели использовать разницу температур, дающую выпоты и росы, умели как кровеносной системой оросить сады и виноградники по склонам гор. Ударьте киркой по любому шиферному, совершенно бесплодному скату холма, – вы наткнетесь на обломки гончарных труб; на вершине плоскогорья вы найдете воронки с овальными оточенными камнями, которыми собиралась роса»* [5, с. 216].

У крымского татарина было два источника, которые снабжали его водой. Первый – крымские реки на северо-западных склонах Крымских гор – Альма, Кача, Бельбек, на Южном берегу – Учан-су, Улу-Узень, Авунда, Дерекойка, Демерджи, Восточный Улу-Узень, и реки северных склонов – Ангара, Бурульча, Биюк-Карасу, Салгир... Всех не перечить! Только вот абсолютное большинство из них – малые, летом пересыхающие водотоки, «сухоречья». К тому же горные речки отличались строптивым нравом: после ливней и таяния снегов они превращались в «бурные потоки», нередко затопляя на своем пути близлежащие деревни.

Вторым источником живительной влаги можно считать широкую сеть ручьев и потоков, которые в большинстве своем питались за счет выпадающих в горах дождей.

Эти два природных источника хозяин земли постоянно содержал в порядке. Так как без полива хозяйство не может развиваться успешно, а воды мало, население ежегодно проводило большую работу по очистке ручьев, углублению русел рек. В устьевых зонах большинства югобережных рек создавались гидротехнические сооружения, которые способствовали резкому расширению орошения садов и виноградников [6], примером чему может служить устьевая зона р. Бельбек, русло и устье р. Качи, русло р. Альма.

В предгорной части Крыма на пути ливневых потоков устраивались дамбы-ловушки, которые собирали дождевую воду в специально выстроенные для этой цели водохранилища и бассейны. Дамбы эти строились с таким учетом, чтобы водой была занята земля, малоприспособная и непригодная для земледелия. Каждая квадратная сажень плодородной земли в Крыму ценилась очень дорого.

Крымский татарин как зеницу ока охранял любую выделяющуюся между камнями каплю влаги, охранял родники. Поэтому большинство постоянно действующих источников в Крыму имели свои названия. Существовала давняя традиция строительства общественных колодцев *«за упокой души погибших воинов»*; о ней упоминает турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби, который насчитал только «в различных окрестных уголках» Бахчисарая 47 таких источников [7, с. 111]. Придорожные колодцы строили *«доброжелатели многочисленных, дабы утомленных напоить, да и самим к Аллаху в расположение войти»* [7, с. 74].

Жизнь выработала правила и приемы для регулирования взаимных отношений соседей по пользованию проточной водой. Строго соблюдаемые обычаи имели основанием признание ручья и реки общественным достоянием, а целью – уравнительность. В крымскотатарских селах право распределения воды между от-

дельными садовладельцами принадлежало старикам.

Воды в пересыхающих летом ручьях и реках было мало. Однако созданные трудом многих поколений сады и пашни на плоских участках гор даже в засушливые годы давали стабильные урожаи. Садовод-труженик на плечах из долины целыми днями носил воду. Широко использовалась смекалка и опыт предков: деревья груши, яблони, кизила крымский татарин высаживал в горах с таким расчетом, чтобы в безводные годы живительную влагу они получали от многочисленных туманов, часто опускающихся в долины Крыма. Холодная роса, вредоносная для овощных культур, использовалась в садоводстве и виноградарстве [6, с. 73].

В горах прокладывали кяризы – узкие, выложенные камнем туннели в виде сети с понижениями в «узлах» ее, к которым спускались отвесные колодцы. Эти туннели копили грунтовые дождевые воды, а также конденсировали атмосферную влагу, скапливающуюся в «узлах». Еще в начале XX века кяризы сохранялись в Старом Крыму и Евпатории – выход одного из кяризных колодцев можно было видеть недалеко от евпаторийских старых ворот. Запас свежей воды в кяризах был практически неисчерпаем, что было важно при осаде города.

Эвлия Челеби, воздавая «похвалу добродетельным пожертвованиям и заведениям в замке Гезлев», писал: *«Находится там семь колодцев, а вытекающий из них напиток чистый приводит к мысли о «водах кристальных»... Воду для тех колодцев черпают с помощью коней из источников, находящихся в четырех часах пути за Воротами Конскими, однако преискусные мастера в центр города водопроводом ее доставляют. Оттуда же, то есть из тех колодцев, течет она в ханы, мечети и бани»* [7, с. 73–74].

Искусство строительства водоводов и водохранилищ в Крыму имело древнюю традицию, уходящую корнями в античное время. Одним из таких сооружений являлся большой акведук в Судаке, о котором также рассказывает Эвлия Челеби: *«Давно, во времена неверных, тут располагался огромный город и порт. Далее, над морем, большой акведук возвышается. Воды, текущие из долин и возвышенностей, по его аркадам стекали, а затем текли через многочисленные мельницы, виноградники и сады, после чего в море впадали»* [7, с. 138].

Русские и иностранные путешественники, с конца XVIII века охотно посещавшие Бахчисарай, с большой похвалой отзывались о водном хозяйстве города, несомненно продолжавшем давнюю местную культурную традицию рачительного распоряжения водой. Вода подводилась издалека, по глиняным трубам, проходившим под землей, и затем распределялась для устройства общественных фонтанов или во дворы богатых горожан. Использованная вода отводилась по одним каналам для орошения городских садов, а по другим – уносила нечистоты в речку Чурук–Су. *«Татарская полиция, – писал академик Паллас, побывавший в Бахчисарае в 1793 году, – тщательно следит за содержанием этих каналов, которые поддерживаются на общественные средства»* [9, с. 37–38].

В этих условиях Чурук–Су вполне оправдывала свое название «гнилая», «вонючая» вода, однако, добавляет Паллас, именно эта вода немало способствовала плодородию огородов, расположенных ниже по течению, так как значительная часть ее отводилась специальными каналами для орошения.

Не обошел вниманием систему водоснабжения Бахчисарая и Эвлия Челеби: *«Воды реки Ашлама, которая течет со стороны Саладжика через самую середину города, для различных целей употребляемы бываюют, поэтому реку сию называют Чюрюксу. Приводит она в движение многочисленные мельницы, а также несет множество нечистот и грязи. С нижней, или же западной, части города течет она через пороховые склады, многочисленные водяные мельницы, вдоль многих огороженных заборами садов... Находится там семьдесят источников, из которых бьет живительная влага, как кристалл чистая и сверкающая ... которая прямо из скал вытекает»* [7, с. 110].

Сад с фонтаном всегда был излюбленным архитектурным элементом для крымских татар, основным организующим компонентом и простой усадьбы, и дворца. *«Посреди личных покоев хана виден прелестный сад роз, – отмечает Паллас, – окруженный стеною. Фонтан ниспадает каскадами в мраморный бассейн»* [8, с. 37–38]. В кратких путевых заметках А.С. Грибоедова от 5 июля 1825 года есть запись: *«Ночью в Бахчисарае. Музыка, кофейня, журчание фонтанов, мечети, тополя»* [9, с. 157].

По словам Эвлии Челеби, *«среди путешественников всего мира, по морю и суше ездящих, известен замок Судак своими огородами и садами... Садов этих сорок тысяч, а оживляют их прекрасно и привлекательность им придают размещенные среди них тысячи домиков с тысячами кухонь и комнат, а также тысячи небольших изящных усадеб... которые окружены пространствами для отдыха и развлечений, с тысячами фонтанов, бассейнами с водой и источниками»* [7, с. 138].

Многие обычаи, поверья, приметы крымских татар связаны с водой. Так, вода, оставшаяся после тахарата (аблеза) – умывания перед намазом, считалась святой и ее всегда выливали под молоденькое деревце. После захода солнца нельзя подходить к колодцу и набирать воду. Плохие мысли или сны следовало поведать проточной чистой воде и попросить Аллаха, чтобы помыслы и дела были чисты и ясны, как вода в ручье.

Такой же чистой и ясной должна быть память.

Вода в Крыму – это жизнь. И чтобы сохранить ее, нужно свято беречь в памяти и приумножать своим трудом опыт прошлых поколений.

Выводы.

Выявленные в культурном наследии крымских татар природоохранные (экофильные) традиции могут с успехом быть использованы в практике экологического воспитания молодежи и экологического просвещения населения, что особенно актуально с учетом сложной этнической структуры крымского социума.

Источники и литература

1. Дерябо С.Д. Экологическое сознание. // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – №2. – С. 1–9.
2. Степин В.С. Культура // Вопросы философии, 1999. – №8. – С.61-71.
3. Ахиезер А.С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии, 1999. – №8. – С.3-18.

4. Тарасенко Н.Ф. Природа, технология, культура. – К.: Наукова думка, 1985. – 254 с.
5. Волошин М. Культура, искусство, памятники Крыма. // Коктебельские берега. – Симферополь: Таврия, 1990. – 300 с.
6. Конради А.В. Сельскохозяйственное водоснабжение горной части Крымского полуострова. – СПб, 1894. – 116 с.
7. Челеби Э. Книга путешествий: походы с татарами и путешествия по Крыму (1641 – 1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.
8. Фадеева Т.М. По горному Крыму. – М.: Искусство, 1987. – 156 с.
9. Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Учпедгиз, 1959. – 250 с.

Богачевская И.В.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Анализ дискурса является междисциплинарным направлением современной гуманитаристики. Каждому социальному институту современного общества присущ свой институциональный тип дискурса. Поэтому в современной философии дискурс является одним из самых популярных «междисциплинарных» исследовательских объектов. Тема анализа дискурса возникает в контексте логики, семиотики, теории аргументации, философии языка, анализа коммуникации, проблемы интерсубъективности, консенсуса, легитимации этических принципов. Дискурс рассматривают в целом как средство конституирования социума, обоснования социальных норм.

Термин «дискурс» используется в нескольких направлениях современной гуманитаристики. «Сегодня категория дискурс в социальных науках играет роль, подобную той, что отводится евро в европейской экономике» [1, 11]. Наиболее репрезентивными в научной литературе являются лингвистическое и общепсихологическое направления. Каждое из них выработало собственную дефиницию понятия дискурс и принципы анализа дискурсивных стратегий и практик согласно предметному полю своих дисциплин. Причем необходимо постоянно помнить, что содержательная наполненность данного термина в лингвистике отличается от его значения даже в литературоведении, не говоря уже о других гуманитарных дисциплинах, так, как философия, культурология, социология, психология и т.п.

А. Усманова в своем определении дискурса и дискурсии «в широком смысле слова» указывает, что дискурс (дискурсия) «представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, которое манифестируется в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [2, 240]. Традиционно под дискурсом понималось упорядоченное письменное, но чаще устное сообщение отдельного субъекта. В последние десятилетия термин приобрел новые оттенки значения и широкоиспользуется в гуманитаристике. Частое отождествление текста и дискурса связано, во-первых, с отсутствием в некоторых европейских языках термина, эквивалентного франко-английскому понятию discours(e), а во-вторых, с тем, что раньше в объем понятия «дискурс» включалась лишь языковая практика. В ходе становления дискурсивного анализа как специальной исследовательской области выяснилось, что значение дискурса не ограничивается письменным и устным высказыванием, но охватывает и внеязыковые семиотические процессы.

Между тем понятие дискурс и, в частности, религиозный дискурс, может плодотворно применяться при анализе религиозноведческой проблематики. Данная статья рассматривает понятие религиозного дискурса и его функциональные особенности в контексте исследования христианской письменной традиции, опираясь на методологические подходы различных гуманитарных дисциплин. Ее исследовательской задачей будет рассмотрение специфических черт религиозного дискурса, выделяемых современной гуманитаристикой, а также обозначение путей его исследования в контексте предметного поля современной философии религии и лингвистического религиоведения.

Актуальность предложенной темы определяется контекстуальным полем современной парадигмы гуманитарных дисциплин, спецификой постмодернистского философствования с его «дискурсивным поворотом», а также непроясненностью методологических аспектов использования термина «религиозный дискурс» в отечественном академическом религиоведении.

Широкое употребление понятия «дискурс» как родовой категории по отношению к понятиям «язык», «текст», «диалог» в философской, социологической и психологической терминологии стало нормой. В современной философии дискурс рассматривают как средство обоснования социальных норм, конституирующее социум вообще, как концептуальную схематизацию демократической системы, идеи открытого общества или идеала свободной коммуникации, где участники которой равны [3, 3]. Герменевтика, постструктурализм и постмодернизм выработали свое, довольно специфическое толкование сущности дискурса и сопредельных ему понятий. В контексте идей постструктурализма и постмодернизма дискурс все больше рассматривается как специфическая для конкретной культуры и социума языковая реализация, которая конституирует определенный «социальный порядок».

Философское звучание термина «дискурс» приобрел благодаря работам М.Фуко [4]. Дискурс понимается им как сложная совокупность языковых практик, которые принимают участие в формировании представлений о том объекте, который они допускают. В «археологических» и «генеалогических» поисках М.Фуко дискурс оказывается своеобразным инструментом познания, который репрезентует довольно нетрадиционный подход к анализу культуры. М.Фуко интересуется не денотативное значение высказывания, а, наоборот,